

СВЕТЛАНА НЕМОЛЯЕВА:

Культура. — 2004. — 11-17 нояб. — С. 12

Я создала галерею идиотов

Светлана НЕМОЛЯЕВА в кино пришла совсем ребенком. Ее мама в 1945 году была звукооператором на фильме "Близнецы", и Света снялась в маленьком эпизоде. Старт кинематографической жизни дал Ленинград. Это был фильм-опера "Евгений Онегин". Светлана играла Ольгу. Тогда она еще училась в театральном институте. Но потом кинематограф забыл об актрисе на долгие годы. Правда, Немоляева старалась не замыкаться на мысли, что с кино ей не везет. Все пространство жизни занимали театр и семья. Жила киноуспехами мужа Александра Лазарева, воспитывала сына и играла самые что ни на есть главные роли в Театре имени Маяковского. И уже тогда публика частенько приходила именно "на Немоляеву". Роль Бланш в спектакле "Трамвай "Желание" по Уильямсу — одна из лучших в послужном списке актрисы. В течение двадцати лет она отдавала этой работе свои нервы, любовь и слезы. И теперь Немоляева выходит на сцену, снимается в кино, хоть и нечасто. А совсем недавно мы ее увидели в сериале Антона Сиверса "Сестры".

— Светлана Владимировна, роль Бланш стала ключевой в вашей биографии. Как она повлияла на ваш характер?

— Трудно говорить про себя, ведь думаешь одно, а на самом деле все иначе. Безусловно, любая роль откладывает свой отпечаток, хотя бы потому, что ты все время в нее вживаешься. А ради роли такого уровня надо от всего отключиться. У меня была масса ролей, но сложнее, чем Бланш, конечно, не случилось. Я играла ее, при этом взрослела, старела и становилась другой женщиной. И многие темы, поднимаемые в пьесе Уильямса, только в последние годы жизни спектакля стали мне понятны. К примеру, тема женского увядания. Роль Бланш требовала особых душевных и физических затрат, поэтому всегда перед спектаклем мне необходимо было уйти в другой мир, даже не в образ, а именно в мир. И это окружающие (мама с папой, Саша и сын) всецело прекрасно понимали. Я тоже очень хорошо понимаю мужа, когда он играет какие-то ключевые и серьезные роли. Знаю, что его надо освободить буквально от всего. Боже упаси послать его куда-то в магазин или попросить что-то сделать по дому. Такой день для него всегда становится "неприкосновенным". Это закон театра, когда действительно все можно отсечь и заниматься только подготовкой к предстоящему спектаклю.

В кино же другие законы...

— В кино вы появились совсем маленькой девочкой...

— Моя настоящая кинематографическая жизнь началась в Ленинграде. Это был фильм-опера "Евгений Онегин". Тогда я училась еще в театральном институте и была совсем юной, а молодым свойственны уверенность и максимализм казалось, что все могу и все получится. Я воспринимала Пушкина не по учебникам. Любила его читать, знала много наизусть. Тогда мы больше читали, сейчас про сына не могу сказать, что он так же увлекается книгами, как когда-то я. Единственное, что меня очень удручало, так это то, что я была толстенькая. Страшно хотелось похудеть. Помню, когда меня увидел режиссер, он сказал своему помрежу: "Катя, ты мне никого больше не вози, мне эта девочка подходит, все по Пушкину: крутая, красна лицом она, как эта глупая луна на этом глупом небосклоне". В общем, он абсолютно отождествил

меня с этим образом. Меня тогда поселили в гостиницу "Астория" в какой-то потрясающий номер с альковым и видом на Исаакиевскую площадь. И все сошлось — моя влюбленность в Ленинград, в музыку Чайковского и поэзию Пушкина, я совершенно заболела стариной и осталась верна ей и по сей день. Умирать буду с любовью к старине. Я много раз потом бывала в Петербурге, стала заслуженной, народной артисткой, но никогда больше меня не поселили в такой шикарный номер. Сейчас я думаю, что это уже невозможно.

— Так случилось, что ваше второе пришествие в кино состоялось, когда вы уже были зрелой актрисой.

— Мой брат, потрясающий кинооператор Николай Немоляев, считает, что судьба у меня сложилась фантастическая. Все в жизни должно сложиться смолоду, а чтобы с середины жизни началась карьера в кино — такого, по его мнению, не бывает. Массу проблем принесла мне близорукость: глаза на экране все время были слепые. А линз очень много лет в нашей стране не существовало. Только в "Служебном романе" уже снималась в линзах, и у меня на экране был нормальный глаз. А до этого я проходила огромное количество проб, на всех студиях страны, но куда не брали. Тот же Эльдар Рязанов, начиная "Иронию судьбы", очень хотел снимать меня. Его пьеса "Родственники" шла в нашем театре, а я играла там главную роль. Ему очень понравилось, он был в полном упоении и сказал: "Обязательно буду тебя снимать". Но на пробах у меня ничего не получалось, то ли я была очень зажата, то ли очень хотела попасть на эту роль, а Андрюша Мягков, который потрясавший все делал, перекрыл меня совершенно. В общем, все сошлось воедино и не позволило мне сыграть роль Нади. Позже я увидела картину и, зная себя, поняла, что все-таки могла бы сыграть эту роль. А вот в "Служебном романе" Рязанов меня начал снимать без проб.

— Ваша звездная кинокарьера началась с роли женщины с не очень счастливой судьбой. Даже некий стереотип сложился. Вам приходилось с ним бороться?

— Кино есть кино. И я никогда не сопротивлялась тому, что оно мне давало. Вот и "Гараж" — это вторая сторона той же женщины из "Служебного



С. Немоляева

романа". Она шумит, кричит, но ее никто не боится.

— О паре Немоляева — Лазарев то и дело слышишь: "идеальная". И правда — все время вместе: в театре, на фестивалях и презентациях вы всегда подчеркнута дополняете друг друга. Слыть идеальной парой — это ведь тоже большой труд?

— Идеальных пар нет. Знаете, почему так получилось — стали с Сашей очень много вместе играть. В молодости ничего похожего не было. Мы поженились в 1960 году. И никто об этом даже не знал. Когда Саша снимался с Дорониной в фильме "Еще раз про любовь", все так и говорили, что он женат на Дорониной.

Теперь мы уже отказываемся, руками-ногами отбрыкиваемся от всех этих интервью о нашей паре. Нам самим уже противно кочевать со страниц одного журнала в другой.

— Говорят, что ваша квартира вместила в себя часть Петербурга, в ней много антиквариата именно из этой имперской столицы?

— Петербург — кладь для любителей антиквариата, я обожаю магазины, торгующие старинными вещами, но сейчас хожу по ним как по музеям. Меня уже все там знают, здороваются. Но никакой коллекции у меня нет — все вещи приобретены случайно в советские годы — какое-то кресло или бюро, тогда это было доступно, даже по тем деньгам, которые у нас с мужем были. А театр приезжал на гастроли в Ленинград надолго — недели на три. У нас был изумительный старинный цех, который тоже приезжал. И там работал дядя Миша, который к

нам очень хорошо относился, грузил то, что мы купили, в трейлер и отправлял в Москву.

— Светлана Владимировна, я поняла, что вам далеко не безразлично, что окружает вас в доме. А к своей внешности как относитесь, ведь вы не поддались всеобщему буму пластических операций.

— Существует два типа актрис — одним очень важно, как они выглядят, а другим это совершенно безразлично. Главное — быть в профессии на уровне. Я отношусь ко второму типу, поэтому очень скрупулезно и дотошно готовлюсь к съемкам и спектаклям. Я терпеливая и контактная. Тем не менее могу поругаться и высказать свое "фа", если меня что-то не устраивает. В общем, ни за что не поступлюсь своими правилами.

— Слышала, что у вас сложились особые взаимоотношения с духами.

— Я действительно не могу выйти на сцену или на съемочную площадку, не подушившись. Но это не какие-то особые духи. Просто если не подушусь, буду не в форме. Правда, есть самые любимые — "Магриб". Много лет подряд привозила их из-за границы. А вот на премьеру спектакля "Мой век", где я играю Кокко Шанель, Саша подарил мне духи "Кокко", и я целый год с собой брала именно их. Мне это и нравилось, и помогало.

— На экране и на сцене вы хрупкая, аристократичная, незащищенная, а в жизни какая?

— Все человеческие страдания я прекрасно понимаю. Потому что любая женская судьба, и моя не исключение, имеет пригорки и ручейки,

есть свои ассоциации — мне несложно это сделать. Если говорить о жизни, то я человек очень самостоятельный. Я сильнее моих героинь, хотя ранима очень. Я даже фильмы не могу смотреть, где происходят убийства и издевательства, где герои страдают. Потому что они меня ночью преследуют, я спать не могу.

— А как строится ваш день?

— Я обычно мало сплю, рано встаю. И пока еще Саша спит — это мое время. Сварю себе кофейку и сяду за пасьянсы. Потом телефон начинает трещать, и в театр уже надо бежать. При Сергее Николаевиче Арцибашеве спектакли у нас выпускаются быстро. И работа идет от заката до заката, это тяжело. Но если есть свободное время, я сразу несусь посмотреть на своих внуков.

— Новое время принесло вам новые роли?

— Да, я с наслаждением играю характерные роли. В театре — одних идиотов мною уже создана "большая галерея". Вот и в фильме по Дарье Донцовой "Евлампия Романова" у меня была маленькая роль, идиотическая до предела. Еще у Валерия Ахадова в "Подмосковной элегии" сыграла редчайшую балду. Но, видите, они мне так удаются и очень нравятся. Я сыграла один эпизод, а Ахадов говорит: "Не могу с вами проститься" — и придумал мне вторую сцену, еще идиотичней.

— Что вам нравится в сегодняшнем кино?

— Я стала жутким дилетантом. Могу сказать, что сегодняшнее кино — ни нашего, ни западного — практически не знаю. Я жутко много работаю в театре — или через день, или каждый день. Выбраться в кино просто невозможно. А вот фильмы сына смотрю и еще Сашины. Сын всегда очень волнуется, всегда хочет, чтобы мы посмотрели его спектакли и фильмы. Мне не нравятся иногда сценарии, на которые он соглашается, и я с ним спорю. Но вот как-то он позвонил с кинофестиваля и сказал: "Мама, ты меня просила не сниматься в этой картине, а я получил приз за лучшую мужскую роль".

— Как вы восприняли фильм "Небо. Самолет. Девушка"? Он ведь должен быть вам безразличен.

— Может быть, я не права, но мне казалось, что в ремейк логично было бы взять моего сына Шурика на роль, которую играл его отец, раз уж взяли Мишу Ефремова на роль, исполненную Олегом Ефремовым в фильме Георгия Натансона "Еще раз про любовь". Но это моя логика.

— Вы никогда не сопротивлялись желанию сына стать актером?

— То, что Шурик стал актером, для меня вполне логично.

— У вас есть черта характера, которая вам мешает?

— Если я с кем-то поругалась или поссорилась, то покоя себе не найду, пока не выясню отношений. Я очень люблю выяснять отношения. Мне нужно все до конца объяснить и понять.

Беседу вел
Ольга ЖУРАВЛЕВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ